

Научная статья

УДК 398.22(470.621)

ББК 82.3 (2=Ады)

Г 97

DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-122-129

Атрибутивные особенности народного эпоса
(Рецензирована)

Адам Мухамедович Гутов

Институт гуманитарных исследований – Филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7526-319>

Аннотация:

В статье исследуются основные принципы, на которых строится характер художественного отражения действительности в песнях и сказаниях адыгского (черкесского) историко-героического и архаического нартского эпоса. Проблема рассматривается в теоретико-методологическом плане с учетом особенностей эволюции жанра от стадии его формирования до фактического завершения его продуктивного периода и функций в контексте современной культуры. Отмечается также, что эта проблема решалась применительно к конкретным обстоятельствам. Вопрос об окончательном ее разрешении практически не ставится, так как всякие значимые изменения в общественной жизни обнаруживают новые грани, связанные с взаимоотношениями между действительностью и ее отражением в словесном искусстве, в частности – фольклоре, а в данном случае – в жанре народного эпоса. Обращается особое внимание на такую родовую особенность героического эпоса, как его инертность относительно диффузии с иноэтническими феноменами культуры и вытекающая из данного обстоятельства способность жанра служить в качестве атрибутивного фактора при определении генезиса явлений традиционного вида народного искусства.

Ключевые слова: Нартский эпос, фольклор, эпические жанры, нарратив, поэтическое искусство и действительность, генезис, функции эпических сказаний, жанровая специфика, идентичность

Для цитирования: Гутов А. М. Атрибутивные особенности народного эпоса // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение, 2022. Вып. 4(307). С.122-129. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-122-129

Original Research Paper

Folk epos in the context of reality

Adam M. Gutov

Institute for Humanitarian Research - Branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Federal Scientific Center" Kabardino-Balkarian Scientific Center of Russian Academy of Sciences", Nalchik, Russia, adam.gut@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7526-319>

Abstract:

The article examines the basic principles of the artistic reflection of reality in the songs and tales of the Adyghe (Circassian) historical heroic and archaic Nart epic. We consider the problem in theoretical and methodological terms, taking into account the peculiarities of the genre evolution from the stage of its formation to the actual completion of its productive period and functions in the context of modern culture. The affected issue was raised at different times by many researchers and solved by them in relation to certain circumstances. The question of the final resolution of all issues related to this problem is practically not raised, since any significant changes in public life reveal new facets associated with the relationship between reality and its reflection in the verbal art, in particular – folklore, and in this case – in the genre of folk epic. Special attention is paid to such a generic feature of the heroic epic as its inertia regarding diffusion with non-ethnic cultural phenomena and the resulting ability of this genre to serve as an attributive factor in determining the genesis of the phenomena of traditional folk art.

Keywords: Nart epic, folklore, epic genres, narrative, poetic art and reality, genesis, functions of epic tales, genre specificity, identity

For citation: Gutov A.M. Folk epos in the context of reality // Bulletin of Adyghe State University, Series: Philology and Art Criticism, 2022. No.4 (307). P.122-129. DOI: 10.53598/2410-3489-2022-4-307-122-129

Введение.

Тема отношения различных жанров фольклора к действительности появилась как проблема не иначе, как одновременно с возникновением устного словесного искусства. Несмотря на то, что ею занимались в свое время многие исследователи, поэты, писатели еще до вхождения в обиход самого термина «фольклор», она остается в XXI столетии актуальной как для носителей традиции, так и для ученых. В данном случае следует учитывать редкостную многогранность проблемы. Важно, что по мере эволюции общества и наряду с происходящими в нем стадийными изменениями она имеет свойство обнаруживать новые грани, требующие своего ракурса рассмотрения, что делает вопрос практически неисчерпаемым. Силовое поле эпоса не выпускает из сферы своего действия ни живых носителей традиции в лице сказителей, ни энтузиастов-собирателей, ни академических ученых. В данном плане актуально рассмотрение данной проблемы на конкретном этноязыковом материале, в частности, аутентичных записях адыгского фольклора.

Материалы и методы.

Основным источником фактических материалов для данного исследования стали опубликованные ранее и хранящиеся в рукописных архивах и фонотеке записи архаических нартских и поздних историко-героических текстов на адыгском языке. Основной методологический принцип исследования – историко-сравнительный, позволяющий обратиться к более локальным приемам анализа конкретного материала. Учитывая необходимость серьезной теоретической базы исследования, в основной части статьи уделено особое внимание общим проблемам истории и теории. Это позволило рассмотреть конкретный вопрос в его широком общеофольклорном и историко-культурном контексте, что оказало позитивное воздействие на ход всего исследования в целом и на презентативность научных умозаключений.

Обсуждение.

Не будет ни открытием, ни большим заблуждением, если в ряду тех, кто стоял у истоков аккумуляции фольклорной культуры, назвать Ф. Рабле, Ф. Вийона, Д. Макферсона, Р. Бернса, Й. Гердера, братьев Гримм,

М. Мюллера, А. Куна, многих других поэтов, писателей, ученых, список которых мог бы занять не одну страницу [1]. В отечественной литературе и науке своим отношением к проблеме отметились М.В. Ломоносов, Г. Р. Державин, И. А. Крылов. Свою лепту в освоение народных поэтических традиций внесли А.С. Пушкин, А. В. Кольцов, М. Ю. Лермонтов, В. Г. Белинский, А.Н. Афанасьев, О. Ф. Миллер, П. Г. Киреевский, Г. Н. Потанин, многие другие литераторы и мыслители [2]. Что касается адыгского этнокультурного материала, данной проблемы коснулись деятели национальной культуры XIX-начала XX вв.

В минувшем столетии марксистские исследователи призывали в вопросах отношения искусства к действительности изучать фольклор непременно «под социально-политическим углом зрения», порою доводя практику и теорию до вульгаризации. Даже сторонники структурализма и компаративизма, которых принято упрекать за увлечение формальным анализом, ратовали в программных выступлениях за изучение предмета в «в структуре», что предполагает учет корреляции явления с действительностью. В свете сказанного представляются логически мотивированными такие случаи, когда В.Я. Пропп вслед за знаковым исследованием «Морфология волшебной сказки» публикует новый труд - «Исторические корни волшебной сказки» (курсив наш - А. Г.) [3]. Также примечательно, что после его смерти изданному сборнику трудов этого выдающегося фольклориста составитель дал название «Фольклор и действительность» [4]. Также резонно включение большого раздела под заглавием «Фольклор и его функции в современном обществе» в сборник избранных сочинений американского ученого, профессора Алана Дандеса [5: 119-250]. Судя по публикациям, перечень примеров подобного рода можно без труда продолжить.

Уместно будет вспомнить, что с опорой на древнейшие архетипы на протяжении многих веков создавались шедевры мировой литературы, возникали самые современные исследовательские теории и концепции, привлекавшие внимание культурного сообщества актуальностью содержания и новизной методологических принципов. Глубоко справедливо замечание В. Я. Проппа о том, что «...в фольклоре с появлением нового старое не умирает» [3: 288]. Правомерно будет дать ему расширительное толкование: в традиционной культуре *отмирание старого при появлении чего-либо нового не является общей закономерностью*. Старое нередко адаптируется и становится мостом между прошлым, настоящим и будущим. Проблеме эпоса и действительности уделяли и ныне уделяют внимание и исследователи эпического наследия народов Кавказа, в ряду которых В. И. Абаев, А. И. Алиева, У. Б. Далгат, А. А. Аншба, А.М. Гадагатль, Ш. Х.Салакая, Р. Б. Унарокова, З. Д. Джапуа и мн. др. Ей посвящались научные форумы, в том числе и в недавнем прошлом [6, 7, 8]. В наше время и в новых обстоятельствах она вновь требует к себе внимания [9, 10].

Нет надобности доказывать, что изложенное суждение о взаимосвязях фольклора и действительности имеет прямое отношение к закономерностям истории словесного искусства в целом. Проблема взаимоотношений с действительностью представляет особый интерес в случаях, когда вопрос ставится не о фольклоре во всем его жанровом многообразии, а о таком жанре, как народный эпос, с его установкой на достоверность повествования. Представляется очевидным, что, поскольку основной опорной базой мотивов и сюжетов архаической разновидности эпоса является система коллективных мифо-фантастических представлений, здесь надо ожидать простора для воображения при опосредованном отношении к

реальности. В то же время историко-героические циклы возникали в своем большинстве как эмоционально-оценочная художественно мотивированная реакция на события с участием реальных лиц, ставших прототипами эпических персонажей. По данной причине песня младшего эпоса бывает порою гораздо более насыщенной поэтическими атрибутами. Объяснить данный прецедент можно лишь исходя из учета природы архаического эпоса. Так примечательно, что родовой чертой древнейших сказаний является их прочная связь с ментальностью и тем генетическим кодом этноса, который заложен в мифоэпические нарративы и ставит повествование на одну доску с правдой фактической. Этот код формировался в коллективном сознании и образован как производное от сюжетов сакрального содержания. Впоследствии в результате секуляризации в них стали преобладать эстетические, а также некоторые практические функции. Таковы, например, сохранение квазиисторической памяти, воспитание новых поколений в духе героико-эпических идеалов на примере деяний славных предков, поддержание высокого боевого духа воинов и пр. При этом они не утратили генетической связи с исходной системой мифологических верований и сохранили отголоски сакральных атрибутов, входящих в самое ядро повествования. Секуляризованные по своей сути эпические нарративы возникают не на основе фантазии, а из мифологических представлений как субституты правды. По данной причине для старшего типа эпоса особенно характерны квазиисторизм и относительная замкнутость, консервативность, инертность, своего рода «нулевая валентность». Эпический текст настолько родственен для данной среды, что практически неспособен легко переходить на иноэтническую почву и адаптироваться в ней без радикальных изменений. Следовательно, он не в состоянии

стать полноправным культурным достоянием инородной среды. В случаях, когда сюжет или его компоненты «трансплантируются», это непременно отражается на форме, системе мировоззрения, идейно-тематическом содержании, жанровой специфике явления в целом.

Остается не до конца ясным ключевой вопрос: если в основе народного эпоса предполагаются фантастические нарративы: почему эпические памятники, созданные в одной этнокультурной среде, не могут мигрировать в сферу иной традиции, как это происходит с легкостью с некоторыми другими жанрами? Что могло воспрепятствовать эпосу о Гильгамеше, «Махабхарате» и «Рамаяне», «Илиаде» распространиться по всем соседним этническим сообществам, в которых устно-поэтическая, а порою и письменная традиция была достаточно развита? Даже римляне, заимствуя целые пласты древнегреческой культуры, не стали прямо трансплантировать мифологию и героические сказания эллинов, несмотря на ее притягательную величественность, выразительность, красоту. «Одиссею» Гомера они попросту перевели на свой язык, чем обозначили ее чужеродную природу. Когда же дело дошло до отношения к мифологии и основанным на ней нарративам о героях (известно, что римляне имели привычку аккумулировать языческий пантеон врагов и молиться их божествам, стремясь тем самым привлечь на свою сторону сакральных покровителей противника), они и здесь адаптировали всё к собственной исконной системе представлений. Зевс не просто превратился в Юпитера, Гера в Юнону, Арес в Марса, а Геракл в Геркулеса и пр., а за различием имен стоит выраженная тенденция к творческой ассимиляции чужеродного материала. В области искусства мифо-фольклорная система римлян эпохи эллинизации адаптировала и типы героев, и их функции, и сюжетику, и связанную с этим поэтику [11: 285-297;

12: 384]. Когда дело касается таких жанров, как сказка, негласно понимается, что все рассказываемое не прямой аналог повествования о реальных событиях, и это предоставляет достаточную свободу фантазии («сказка – ложь...» в то время, как мифо-эпическое сказание занимает нишу фактической правды). Что же касается героического эпоса, то при всех очевидных признаках мощного влияния греческого искусства, римское общество вместо аккумуляции поэм Гомера создало собственные эпические произведения, аналогичные греческим, однако основанные на собственном фольклорно-мифологическом, образном и языкотворческом материале [12]. При естественности диффузии греческих и римских поэтических традиций, понимаемых нами как феномен *единой античной цивилизации*, налицо тенденция к диссонансу.

Эпос оказывается этногенетическим кодом, обозначающим линию между чужим и своим, консолидирующим родоплеменное сообщество сказаниями об истории этноса так же, как кровное родство, общий тотем, единый язык. Это вызвано специфическими особенностями жанра. Атрибутивные признаки эпоса – конкретные идейно-эстетические основы циклов, система мифоэпических представлений, ключевые образы, стиль, поэтика – образуют в совокупности систему, которая относительно закрыта для всякого рода инфильтраций извне. Она не предрасположена к миграции в пространство чужой культуры.

На Кавказе, где архаические сказания о богатырях-нартах бытуют у целого ряда коренных народов, они не отмечены у их исторических соседей, которые появились в данном ареале в более поздние времена, когда продуктивный этап эпосотворчества на основе мифологии был уже форсирован, сложение ядра героического эпоса близилось к завершению, а встретившиеся этнические

массивы уже были к этому времени кодифицированы сложившимися этнокультурными традициями. Несмотря на тот факт, что край расположен на путях миграций народов, что призвано благоприятствовать диффузии культур, сказания о нартах не зафиксированы, например, в фольклоре ни одного генетически некавказского народа, в том числе у тюркоязычных ногайцев или крымских татар, у ираноязычных татов, у русскоязычных казаков, у монголоязычных калмыков. Это – несмотря на то, что они веками жили и ныне живут рядом с коренными кавказцами. Соседство нашло свое ожидаемое отражение во многих областях материальной и духовной культуры, в том числе и в фольклоре (в расширительном значении слова), в разных его жанрах, включая вокальное, инструментальное и хореографическое искусство, а если взять шире, – ремесла, костюм и его аксессуары (неслучайно в русских былинах фигурирует *седельшко черкасское*, в калмыцком фольклоре – *черкесский пояс*). Издревле для народов-соседей характерны хозяйственные связи, межэтнические браки, включая и династические. Отдельные представители той или иной среды владели языком соседей, поддерживали дружеские отношения с людьми из другого этноса, порою по воле обстоятельств даже поселялись в иноязычной среде или же принимали у себя инородных поселенцев. Но эпические сказания о нартах не были восприняты тем окружением, которое оказалось для него чужеродным по системе мифо-эпических характеристик. В свою очередь, на кавказской почве не прижились замечательные по своим поэтическим достоинствам калмыцкий или ногайский эпосы. Объяснение мы видим в том, что ко времени возникновения данного эпического цикла у каждой из сторон уже сложилась собственная мировоззренческая система и основанная на ней самодостаточная эпическая эстетика.

Однако если у народного эпоса чуть ли не полностью отсутствует способность к миграции в чужеродную среду, то логично задаться вопросом: как же оказалось, что ареал традиционного бытования героических сказаний о нартах объединяет представителей индо-иранской (осетины), тюркской (карачаево-балкарцы), иберо-кавказской (абхазо-адыги, вайнахи) языковых семей? Прежде чем приступить к поискам ответа на этот вопрос, надлежит учесть, что, как давно замечено, роль беспристрастного транслейтера или пассивного реципиента глубоко не свойственна природе носителей архаического героико-эпического сознания. В нашем конкретном случае она не подходит ни одной из названных этноязыковых семей и групп, на что ранее обращалось внимание [13: 19; 14: 81-101].

Суть проблемы в данном случае заключается не в том, что теория привнесенного характера эпоса будто бы возносит один народ на высоту некоего «культурного донора», чем задевает самолюбие представителей других. Попытка объяснения столь сложного мегаэтнического феномена банальным заимствованием противоречит и законам функционирования эпоса как социокультурного феномена, и логике здравого смысла. Мы полагаем, что разгадку надо искать в самой природе жанра. Если говорить о родовых особенностях, то в фольклоре есть жанры, предоставляющие широкую свободу фантазии исполнителя, позволяющие носителям данного языка ассимилировать их сюжеты и типы героев, превращая привнесенное явление в феномен собственной словесной культуры. Это происходит в случаях, когда главным является не материал и правдивость информации, а искусство исполнения и владения языком, занимательность повествования, порою умение «складно врать», что очевидно на примере сказки. В данном плане эпический текст примечателен тем, что в нем

повествование призвано восприниматься только как правдивое, если вообще возникает вопрос об отношении содержания к правде фактической. Творческое отношение к тексту ограничено его привязкой к этнической традиции со всей ее системой ментальности и мифологических представлений.

Заключение.

Вопрос о соответствии нартского космоса этнокультурной атрибутике того или иного народа не однажды муссировался в выступлениях и академических ученых, и публицистов. К сожалению, до настоящего времени стороны не сумели прийти к единому мнению. Как представляется, причина здесь не столько в сложности задачи, сколько в эгоистическом стремлении некоторых авторов, желающих непременно представить одну часть населения Кавказа массой исторически более высокоразвитой – если и не в обозримом историческом прошлом, то в отдаленной, нередко просто виртуальной ретроспективе. В генетическом плане эта масса якобы связана с прославленными цивилизациями древности, и по данной причине именно за ней резонно закрепить статус единственно возможной среды, унаследовавшей героико-эпические сказания *от безусловно достойных предков*. Типологически это сродни тенденции некоторых древних и средневековых правителей или аристократических кланов возводить свои родословные к сакральным или хотя бы несколько таинственным истокам, чтобы этим возвысить себя над обыденным окружением. Подобные толкования редко подтверждаются фактами, что сути не меняет.

Таким же образом некоторые современные толкователи истории стремятся не только возвести тот или иной народ в статус прямых наследников великих цивилизаций, но тем самым отгородить его от слишком «земных» соседей. Видимо, многим радетелям за чистоту расы еще предстоит примириться с тем, что в

этногенезе аборигенного населения Кавказа принимали участие носители многих языков, разных культурных традиций, даже разных генетических кодов, что отложилось в антропометрических данных, в языке, в морфологических особенностях. Это, как очевидно, явилось одной из причин этноязыковой пестроты на относительно небольшой территории, так как внешнее влияние не было и не могло быть равномерным. Соответственно силе внешнего воздействия и в результате диффузии местная среда или приняла язык доминирующей массы вместе со смешением их носителей и местного субстрата, или же сохранила собственный – в обоих случаях с наследованием одних атрибутов культуры, утратой других и адаптацией третьих. В этом процессе, протяженном во времени и осложненном межэтническими контактами, одной из констант, напоминающей о древнейшей этноязыковой

общности, оставались архаические мифологические представления и основанные на них сюжеты. Они были запечатлены в повествованиях, которые, утратив статус нарративов с выраженной сакральной функцией, в результате секуляризации приняли форму героических сказаний. Есть основания полагать, что архаический «этнокультурный субстрат», вернее совокупность адыго-абхазских, вайнахских, карачаево-балкарских, осетинских сказаний о нартских богатырях и является общим наследием древнего автохтонного населения, который сохранил единую основу разных по языку народов, ныне населяющих Северный Кавказ. Как на более глубокий источник они опираются, по обыкновению, на древнейшую систему мифологических представлений, отдельные сегменты которых донесены до нашего времени в мотивах и сюжетах о языческих покровителях разных сторон бытия.

Приложения:

1. Коккьяра Дж. История фольклористики в Европе. Москва: Иностр. лит., 1960. 692 с.
2. Азадовский М.К. история русской фольклористики. Москва: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 1056 с.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. 364 с. (Первое издание 1946).
4. Пропп В.Я. Фольклор и действительность / сост., ред. Б.Н. Путилов. Москва: Наука, 1976. 328 с.
5. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ. Москва: Восточ. лит., 2003. 278 с.
6. Эпос единения и дружбы: материалы Междунар. науч. конф. Нальчик: КБИГИ, 2012. 132 с.
7. Нартоведение в XXI веке: проблемы поиска, решения: материалы Междунар. науч. конф. Магас: ИнгНИИ, 2016. 288 с.
8. Нартоведение в XXI веке: историография, парадигмы, поиски и решения: материалы Междунар. симпозиума. Майкоп: АРИГИ, 2022. 1232 с.
9. Гутов А.М. Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. Нальчик: КБИГИ, 2018. 264 с.
10. Тронский И.М. История античной литературы. Ленинград: Учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения СССР, 1951. 508 с.
11. Мифы народов мира: в 2 т. Т. 2 / гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Сов. энциклопедия, 1982. 720 с.
12. Марулис Дионисиос. Гомер и Кавафис: отношения тематической интертекстуальности Гирея // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. Майкоп, 2018. Вып. 2 (217). С. 217-224.

13. Крупнов Е.И. О времени формирования основного ядра нартского эпоса у народов Кавказа // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. Москва: Наука, 1969. С. 15-29.

14. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. Москва: Наука, 1985. 224 с.

References:

1. Cocchiara Giuseppe. The history of folklore in Europe. M.: Foreign Literature, 1960. 692 pp.

2. Azadovsky M.K. History of the Russian folklore. M.: Institute of Russian Civilization, 2014. 1056 pp.

3. Propp V.Ya. The historical roots of fairy tales. L.: 2nd ed. Publishing House of LSU, 1986. 364 pp. (1st ed. L.: Publishing House of LSU, 1946).

4. Propp V.Ya. Folklore and reality. The main edition of Eastern literature. Comp., ed. by B.N. Putilov. M.: Nauka, 1976. 328 pp.

5. Dundes Alan. Folklore: semiotics and/or psychoanalysis. M.: Eastern Literature, 2003. 278 pp.

6. The epic of unity and friendship. Materials of the International scientific conference. Nalchik: KBIGI, 2012. 132 pp.

7. Nartology in the 21st century: problems, searches, solutions. Materials of the International scientific conference. Magas: IngNII, 2016. 288 pp.

8. Nartology in the 21st century: historiography, paradigms, searches and solutions. Proceedings of the International Symposium. Maikop: ARIGI, 2022. 1232 pp.

9. Gutov A.M. Problems of the Adyghe (Circassian) Nart epos. Nalchik: KBIGI – Print Center, 2018. 264 pp.

10. Tronsky I.M. History of ancient literature. L.: Educational and pedagogical publishing house of the Ministry of Education of the USSR, 1951. 508 pp.

11. Myths of the peoples of the world. In two volumes. The chief editor is S.A. Tokarev. M.: Soviet Encyclopedia, 1982. Vol. 2. 720 pp.

12. Maroulis Dionysios. Homer and Cavafy: a relationship of thematic intertextuality // Bulletin of the Adyghe State University. Ser.: Philology and the Arts. Maikop: Publishing House of ASU. Iss. 2 (217). 2018. P. 217-224.

13. Krupnov E.I. About the time of formation of the main core of the Nart epic among the peoples of the Caucasus // Legends about the Narts – the epic of the peoples of the Caucasus. M.: Nauka, 1969. P. 15-29.

14. Kumakhov M.A., Kumakhova Z.Yu. Language of the Adyghe folklore. Nart epic. M.: Nauka, 1985. 224 pp.

Статья поступила в редакцию 11.10.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

The paper was submitted 11.10.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 20.12.2022.

© А. М. ГУТОВ, 2022